

ТРИ ПОРТРЕТА ОДНОЙ СЕМЬИ

Ия Хмельнишнова

18+

Ия Хмельнишнова

Три портрета одной семьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70467958

SelfPub; 2024

Аннотация

Это небольшая повесть о семейной жизни двух наших современников Валерии и Виктора. Поначалу они совсем не считали семейную жизнь ядром своей судьбы, ее смыслом. Что удержало их вместе, провело сквозь череду разочарований, заставило глубже задуматься о том, что такое для них семья? Возможно, это убеждение в единственности их союза, в немыслимости расставания. Или вера в то, что их встреча была к счастью, и надо учиться жить вместе. В результате получилось так, что им открылся совсем другой мир, построенный по законам сердца.

Содержание

Счастье...	4
Знакомство	12
Солнце встало	22

Ия Хмельнишнова

Три портрета одной семьи

Счастье...

(портрет первый – первый год)

Вечером пошел мокрый снег. Он падал набухшими тяжелыми хлопьями. Время от времени сильные порывы северного ветра швыряли порции снежной каши прямо в окно, и они ледяной коркой замирали на поверхности стекла, пригвождённые к нему острым пронизывающим вздохом метели.

Кот сидел на подоконнике и внимательно смотрел на стекло, где причудливые картины зимнего шоу сменяли одна другую. Вдруг одна из них в виде раскручивающейся спирали с длинным хвостом напомнила ему что-то очень знакомое. Кот насторожился и, спрыгнув на пол, подошел к хозяину.

Тот сидел нога на ногу, глубоко погрузившись в недра низкого кресла. Он читал газету, поигрывая шлепанцем, висящим на правой ноге. Это была цветная местная пресса. Каждый разворот помпезно демонстрировал достижения местной администрации. Внизу помещались одобрительные высказывания простых жителей, приветливо улыбающихся

читателю с цветных фотографий. Главные мысли были заботливо выделены крупным цветным шрифтом. В центре презентаций помещалось изображение крупного местного чиновника, желательно в полный рост. Своей позой и оранжевой строительной каской он напоминал Гагарина с приветливо поднятой рукой и давал вот тут, прямо, так сказать, в поле, на земле отмашку экскаваторщику, направившему свою машину на земляной вал с целью выровнять дорогу или засыпать канаву, оставшуюся после прокладки новой трубы. Чиновник мог быть запечатлен на фоне открывающейся вдаль перспективы, куда он простирал свою указующую руку, что служило красноречивым сигналом к преобразению данной местности.

Пошелестев газетой, хозяин со скучающим видом просмотрел веселые картинки на последней странице. Он давно жил в городе и хорошо видел действительное положение дел. Буквально в метре, там, куда не доставали софиты кино- и фотосъемки, привольно располагались ямы и колдобины. А чтобы попасть на свежеевыощенную плиткой часть тротуара, прохожему необходимо быть очень внимательным на пересеченной местности, которую почему-то устроители дорог в упор не заметили, справедливо полагая, что этот несчастливый отрезок пути никогда не попадет на страницы газет. «Блеск и нищета», – прервал молчание хозяин животного. Блеск бюрократических отчетов и нищета ограниченной рамками собственного благополучия чиновничьей ду-

ши. Это благополучие первого эшелона постоянно сменяемой местной власти нагло выпирало из всех щелей.

«Кто сует эту макулатуру в ящик?» – подумал хозяин кота и, ставя жирную точку в невеселых размышлениях, смял газету и отправил ее за спинку кресла. Затем он уставился на открывшегося его взору кота, явно чего-то ожидавшегося.

«Ну, что тебе надобно, старче?» – процитировал классика хозяин.

Кот, поняв, что настала его минута, развернулся в прыжке на четверть оборота и уверенно направился к окну, не оглядываясь и гордо неся хвост-морковку. Он не сомневался, что хозяин идет за ним. И действительно: мужчина, крикнув, выпростал своё тело из недр кресла, и, шаркая правой ногой, поправлявшей на ходу шлепанец, подошел к подоконнику. Он стал разглядывать ледяные узоры. Потом он удовлетворенно хмыкнул и пошел за смартфоном. Кот последовал за ним. Они вместе вернулись к окну, и хозяин запечатлел в цифре картинку, напоминавшую ему значок, прозванный электронной собачкой.

«Вот, теперь эта штука у нас здесь», – покрутил он корпусом телефона перед носом кота.

С легкостью восточной танцовщицы в комнату впорхнула хозяйка кота, принеся с собой массу запахов банной парфюмерии: шампуня, кондиционера, сливок, скрабов, гелей, мыла ручной работы и прочего. Оба наших героя тут же повернулись к ней, будто два подсолнуха навстречу своему солнцу.

Грациозная от природы, она мягко опустилась на табурет возле столика с большим зеркалом, прикрепленным к стене. Хозяйка придирчиво взглянула на свое отражение, оно подсказывало ей объем предстоящей работы. Открыв ящик стола, стала извлекать оттуда множество привлекательных предметов, что заставило кота срочно поменять дислокацию. Оказавшись у ног хозяйки, он упорно тёрся мордочкой о теплую нежную щиколотку, ревниво оставляя на ней свой запах.

Осознав, что теперь он является единственным очарованным наблюдателем, хозяин отклеился от подоконника и подчеркнуто деловой походкой направился в ванную. По дороге он зыркнул на кота, который прочитал в его взгляде:

– Ничтожный подлиза, где твоя мужская гордость?

Сузив зрачки, кот мысленно парировал: «А ты – грубый, негалантный, необходимый болван! обнимайся со своей мужской гордостью», – и презрительно отвернулся.

– Ты накормил кота? – громко крикнула хозяйка.

– Да, накормил, – пробасил хозяин и пустил воду.

«Вот, – огорченно подумал кот, – что бы тебе не ответить? Пошел мыться и мойся». Хозяйка наклонилась к коту и назидательно произнесла: «Перестань подхалимничать, я знаю, что ты не голодный». Дело в том, что хозяева стали замечать: кот выпрашивает еду у каждого из них по очереди, пользуясь тем, что они заходят на кухню, чтобы перекусить, в разное время. К тому моменту, когда факт наглого вымогательства вскрылся, кот успел наесть уютный курдючок, но теперь эта

дукавая практика решительно пресекалась.

Кот устроился на полочке рядом со столом и внимательно наблюдал за тем, как хозяйка поочередно извлекает из ящика стола необходимые ей инструменты и приспособления. Вот она достала специальную щеточку и причесала свои шелковые бровки. Пинцет, которым она удалила непонравившийся ей волосок под бровью, уже заманчиво поблёскивал на столе. Потом на свет появились кисточки, баночки с кремом, ватные палочки и тампоны, набор инструментов для маникюра. Весь сосредоточенный вид кота предательски показывал его заинтересованность происходящим: как хорошо бы незаметно лапкой сдвинуть с края стола что-нибудь из этого богатства на пол! А там заиграть свою добычу куда-нибудь в дальний угол, где это сокровище могло бы храниться до своего времени, когда он останется дома скучать один. Хозяйка не теряла бдительности и подвинула свой арсенал на другой край стола.

Перебирая лежавшие на столе предметы, молодая женщина тихо вздохнула. Она видела минутный ступор, а затем внутреннюю борьбу супруга, старавшегося скрыть способность чутко воспринимать гармонию ее женского обаяния. Её не пугала его напускная железобетонность. Главное – здесь не было равнодушия. Чувствуя, что может обидеть его, она «не замечала» его беззащитного растерянного вида в минуту искреннего восхищения. И все же, все же... первый шаг навстречу его комплименту и нежности приходилось де-

лать ей самой.

Мня себя оберегом этой маленькой солнечной системы, кот имел что сказать не только ему, но и ей. Он полагал, что ошибаются они оба. Он прячет свои чувства, настоящие чувства! Стыдится их, ощущая себя, как снежинка, прижатая к стеклу кинжалом непреодолимой силы. А она этому потакает, спрятавшись за свои блестящие игрушки. «Если так будет продолжаться и впредь, моя милая, – сказал бы кот, – искорки твоих глаз скоро потухнут, ведь даже Солнце остывает, пользуясь только своей собственной энергией». Но кот надеялся на ее интуицию, которая должна подсказать, что делать. И он молчал.

Распахнув пошире дверь, в махровом банном халате набекрень, криво подпоясанном на мокром пузе, в комнату ввалился хозяин, громко шлёпая по линолеуму босыми ногами.

– Опять мокрый? – строго спросила его хозяйка и добавила, – ну что ты шлепаешь, как гусь лапчатый?

– Я и есть гусь лапчатый, – гордо заявил хозяин и, пузом вперед, прошествовал на середину комнаты. Ловким движением профессионального баскетболиста – прямо в центр кресла – запустил смятое в тугий комок полотенце, которым он до этого, задрвав руки, тёр голову. Потом он присел около туалетного столика и, вытянув вверх руку с оттопыренным указательным пальцем, торжественно произнес: «Заусенец».

Хозяйка с присущей ей грациозностью склонила к нему длинную шею, оценив незначительность повреждения и

подыгрывая ему, демонстративно нацепила на нос очки и включила настольную лампу. Заусенец был длинный, но он сам его уже обгрыз, ее помощь не требовалась. Хозяйка выдвинула свой волшебный ящик и, выудив оттуда бактерицидный пластырь, сделала заплатку. Отклонив вытянутый палец в сторону хозяина, она сказала: «Всё» и принялась легонько массировать подушечками пальцев морщинку, обозначающуюся между нежными бровками.

– Все?! – капризно пробасил хозяин.

– А поцеловать, а пожалеть? А «у кошки заболи, у собачки заболи»?! – продолжал возмущаться хозяин.

Она повернулась к нему и, улыбаясь как маленькому, ласково пригласила влажную шевелюру со словами: «Бедный ты мой гусь лапчатый».

Кот тем временем дремал на подоконнике. Это было удивительное место в квартире. Снизу его пластмассовая поверхность подогревалась потоками теплого воздуха от батареи. А в то же время кошачьего носа легким пёрышком касался просочившийся с улицы зимний ветерок. Он навевал коту фантазии о законной жизни: о грузовом автомобиле, громко чихнувшем выхлопной трубой, о соседском кобеле, задравшем лапу на куст под окном...

Кот грезил. Его правое ухо улавливало восторженные восклицания снежинок, с интересом глазевших на него через стекло.

– Посмотрите, посмотрите, какие у него шикарные усы!

– А глаза! Словно две янтарные луны!

– Вы видели зубы? Это не зубы, это две гряды горных вершин, покрытых белоснежными ледниками!

Левого уха кота мягко касалось миролюбивое воркование хозяев. На мордочке животного застыла такая блаженная гримаса, что можно было подумать, будто он говорил себе:

– Если и есть где-то на Земле счастье, то – вот оно!

Можно не соглашаться с усатым-полосатым, но при этом надо иметь в виду, что кошки умеют распознавать и смаковать счастливые минуты.

Знакомство

(портрет второй)

Они опять проиграли. И проиграли так обидно. Соперник, позволив им выйти вперед, как впоследствии оказалось, дал фору. На самых последних минутах с легкостью фаворита первенства так нащелкал, что стало ясно: москвичи повертели ими, как кошка пойманной мышью.

Капитан этой местной проигравшей баскетбольной команды сидел в раздевалке и чувствовал, как его прямо-таки распирает желчная и злобная досада. Она относилась, прежде всего, к нему самому, недавно назначенному на это место. «Пожалуй, твое капитанство будет недолгим, – предрекал он себе. – Надеялся Егорыч на тебя? Надеялся. И что из этого вышло?!» «Сам уйду! Нет, это – предательство. А победа была близко», – мучился он, снова и снова возвращаясь к исходному пункту своих невеселых мыслей и не имея возможности выйти из их замкнутого круга.

Фрол, друг и второй номер команды – атакующий форвард, ткнул его в спину:

– Что сидишь? Иди в душ.

Стукнув себя кулаком по колену, капитан поднялся. Стоя под душем, он изругался и исплевался, как верблюд, но облегчения это не принесло.

Тренер оставил основательный «разбор полетов» на по-

том и после нескольких общих в данной ситуации фраз приступил к культурной программе на сегодня. Эта программа была его «священной коровой». Дело в том, что их «Метро-трамовец» проводил матчи в рамках первенства метрополитена среди команд крупных городов, где собственно и функционировало или строилось метро. Каждая поездка на игру сопровождалась посещением местных достопримечательностей, среди которых обязательным пунктом была художественная галерея. Идея тренера была проста: развивая чувства и цепкость глаза, активизировать работу подкорки, интуиции, позволяющих подмечать зарождение комбинаций и ускорять взаимодействия. Эта стратегическая задача была тайным козырем тренера, так сказать, козырем отложенного действия, когда начнут проявляться ее результаты. Игроки посмеивались над Егорычем, считая культурную программу чем-то вроде психологической разрядки, хотя Третьяковка и Русский музей уже перестали быть для них пустым звуком.

Вот и сегодня они встретили смешками информацию тренера:

– Неужели в консерваторию поедем?

– Бери выше – на балет!

Тренер, подумав о том, что огрызаются, значит, ожили, объявил ланч на открытой террасе ресторана, что располагался на набережной, и прогулку на катере по Волге. «На теплоходе держаться кучно», – предупредил он...

Старенький метротрамбовский автобус притормозил око-

ло речпорта, ожидая, когда крытый грузовой фургон освободит место у тротуара. Затор произошел из-за конфликтной ситуации, которая была в самом разгаре. Щуплый мужчина ругался с водителем фургона, перекрикиваясь через полураскрытую дверцу кабины. Щуплый тыкал в стекло кабины свернутым в трубочку договором. Около распахнутых створок задней части фургона нервно топтался грузчик.

Цепкий взгляд капитана команды, который с безучастным видом сидел у окна, вычленил пониکشую фигурку девушки, тихо стоявшей около громоздкой арфы, неловко примостившейся на краю тротуара напротив служебного входа. Арфистка зябко куталась в плащ от порывов волжского ветерка, еще холодного в начале апреля. «Ну и угораздило же тебя, малышка, играть на такой бандуре», – грустно усмехнулся он.

Тем временем конфликт, пройдя кульминацию, резко завершился. Зычно крикнув что-то грузчику, водитель захлопнул дверцу кабины. Грузчик со скрипом затворил дверцы и, щелкнув замком, тоже взобрался в кабину со своей стороны. Дав задний ход, фургон удалился. Щуплый, вертя бумажной палицей, как пропеллером, вихрем скрылся за автоматическими дверями служебного входа, обе половинки которых шарахнулись от него в разные стороны. Он даже не удостоил взглядом инструмент и арфистку, преданно не покидавшую свой пост. Страсти улеглись, и они с инструментом остались одни. Только ветерок, запутавшись в струнах, породил пе-

чальный звук как тихий вздох арфы.

Автобус, наконец, занял свое место около тротуара. Спортсмены, не спеша, покидали салон и гуськом тянулись к ресторану. Капитан, выйдя одним из первых, инстинктивно свернул к девушке и окликнул друга. Она подняла на него острый и вопрошающий взгляд. Они с Фролом потоптались около «бандуры», прикидывая как бы поудобнее ухватиться за элементы ее сложной конструкции, и подхватили инструмент. Он спросил: «Куда?». Она кивнула на дверь. Он дал Фролу команду: «Вперед». Дверцы снова разлетелись и все прошли внутрь здания.

Вскоре он оценил страсти, разгоревшиеся вокруг громоздкой арфы. Проходы лестницы, по которой они двигались куда-то вниз, были узковаты для профессионального инструмента. Приходилось приноравливаться. Вспомнился щуплый, видимо, хозяйственник. Когда арфа, чудом протаскиваемая по этим лабиринтам, проплыла мимо него, мужчина так и застыл с гримасой ужаса на всё ещё перекошенном злостью лице. В конце концов, под их дилетантским натиском всё завершилось благополучно, и инструмент был водворён на свое законное место в оркестровой яме.

Пока спортсмены оглядывались по сторонам, девушка сбросила плащ на спинку стула и присела к инструменту. Она плавно подняла руки-крылья и пробежалась по струнам. Арфа ответила ей водопадом чарующих звуков. «Царевна-Лебедь!» – ахнул капитан, озаренный внезапной до-

гадкой, всплывшей откуда-то из глубины его эмоционального подсознания. Конечно, она могла играть только на таком царственном инструменте. «Вот она какая, Царевна-Лебедь, – удивился он своему открытию. – Оказывается ее можно встретить в жизни».

Волшебные переливы звуков, которые, казалось, можно было видеть воочию, подействовали исцеляюще: напряжение, кольцом охватившее его голову, ослабило хватку. Очень захотелось, чтобы она коснулась и его лба, прогнав минорный приговор, вынесенный им самому себе.

Успокоившись, что с инструментом все в порядке, девушка подошла к нему. Она улыбалась, и ее глаза были уже не колюче-строгими, а радостно светились веселыми чертиками.

– Как хорошо все получилось, – впервые услышал он ее голос.

– Я вам очень благодарна, – ласково добавила она.

Стараясь побороть смятение мыслей и чувств, понимая, что надо все-таки что-то сказать, он произнес первое, что заученно пришло на ум:

– Обращайтесь, – и подал руку.

Она ответила рукопожатием, а он, хлопая по карманам, пытался найти визитку и вспомнил, что новые визитки так и остались лежать на подоконнике раздевалки до лучших времен.

Выручил Фрол:

—А вы приходите на матч в понедельник.

Он поддержал приглашение, объяснив, куда нужно прийти.

— Приходите пораньше, к одиннадцати часам. Товарищеская встреча, билеты не нужны. Я буду вас ждать.

Она утвердительно кивнула. Фрол показал ему на выход.

—У нас обед, — напомнил друг.

Начиналась репетиция, оркестранты прибывали и брались за инструменты, наполняя помещение какофонией звуков. Они с Фролом развернулись и знакомой дорогой отправились к выходу. Прибежавший хозяйственник сунулся к ним, вытирая пот под дужками очков:

—Парни... — начал он.

Капитан только махнул рукой, мол, все в порядке.

— Ходят тут всякие, — проводив спортсменов взглядом, раздраженно буркнул мужчина.

Слово «всякие» очень обидело девушку, это было совсем несправедливо. «Как так всякие? — мысленно возмутилась она. — И совсем не всякие, а даже очень свои». Она вопросительно посмотрела на флейтиста: какого мнения он о том парне, который так решительно протянул ей руку помощи?

Сергей, флейтист, был ненамного старше, но уже имел положительный опыт семейной жизни, женившись рано и как-то сразу основательно. Среди ее друзей он отличался умением поддержать человека в минуту сомнения и тревоги.

Не заметить двух атлетов в яркой спортивной форме было

трудно. Но Сергей увидел не только это. Его поразило изменение выражения лица того из них, к которому подошла Валерия. Чувствовалось, что этот парень открыл для себя вход в какой-то новый высокий мир и не знал, что с ним делать, можно ли войти. А уйти он тоже не мог: не уйдешь от себя. Сергей знал, что это только первая ступенька к настоящей любви, встав на которую важно сделать следующий шаг так, чтобы он вел вверх, а не вниз. В ответ на ее ожидающий взгляд флейтист произнес: «Солнце встанет – развиднеется», – и приложил инструмент к губам.

Ей сразу понравилось, что Сережа не сказал «время покажет» или что-то в этом духе. Она уже столкнулась с тем, что время показывает изнанку, которая совсем не похожа на парадную лощеную сторону. В этом крепком парне она чувствовала что-то по-настоящему, по-человечески мужское: ответственность, что ли за то, что происходит рядом с ним. Она задумчиво перебирала струны, как бы спрашивая у арфы: «Есть ли там, с изнанки этого человека, что-то настоящее, достойное уважения, то, что не остынет и не износится со временем?».

Наверху, на набережной, было светло и просторно. Друзья сидели под тентом, недавно натянутым на открытой террасе по случаю начала сезона.

– Придет? – обратился он к Фролу, с удовольствием хлебавшему суп.

Тот утвердительно и решительно кивнул, мол, сказала,

что придет. Рот друга был занят поглощением фирменной булочки.

– Ешь, – прожевав, напомнил друг, будто взявший шефство над капитаном, который захлебнулся в динамичном потоке таких противоположных впечатлений.

Он наклонился к тарелке, зачерпнул супа, ощутив аппетитный запах, и начал есть...

И она пришла! Это казалось ему невероятным, как арфа на тротуаре. Он оказался рядом, привычно преодолев по несколько ступенек за раз. Опустился на соседнее сидение и, вручив заранее приготовленную визитку, представился: «Виктор». Она пожала протянутую руку и мягко ответила: «Лера». Видно было, что ей нравится здесь и она не чувствует себя в манеже чужой, будто настроилась на праздник. Этому способствовала энергичная шумная музыка, высокий свод и много света, воздуха, молодости и спортивного азарта и мастерства.

– Красивый вид спорта – баскетбол, – заметила она, глядя на площадку, и посмотрев на него, добавила: – Желаю победы.

– Да мы тут за тем и есть, – пробасил он, улыбаясь. И продолжил:

– Мы ж тут дома, есть кому поддержать.

И опять протянул ладонь.

– Буду за вас болеть, – улыбнулась Лера, отвечая рукопожатием.

Тренер подал своим свистком несколько энергичных трелей, призывая разбежавшихся по болельщикам игроков к дисциплине.

– Давайте погуляем после матча, – предложил он.

Лера утвердительно закивала:

– Хорошо. Я подожду вас здесь.

Разминка началась. На освободившееся рядом с ней место сразу же шлепнулся подросток лет девяти-десяти.

– Это теперь капитан, – сказал он со значением. – Не все ещё в курсе. Вот, – показал он ей цветную листовку, где под крупным заголовком «Метротрамовец – вперед!» она увидела фотографию команды.

– Вот, видите, рядом с тренером.

Мальчишка потянулся и достал такой же листок, лежавший на соседнем сидении. Протянул ей. Лица разобрать было сложно, зато хорошо смотрелся фон: ярко раскрашенная площадка с гладким блестящим полом.

Пока она рассматривала снимок, парень, не теряя темпа, доверительно и просто спросил:

– А вы – его невеста?

Лера улыбнулась его молодости, наивности и прямолинейности.

Подумав, как бы по-педагогичнее ответить, сказала: «Я его гостья и ваш талисман на этом матче».

Парень удовлетворенно и энергично щелкнул одной ладонью о другую.

Эту встречу «Метрограмовец» выиграл, не особо огорчив сегодняшнего противника, скорее, спарринг-партнера.

Они стали встречаться. Выявилось нечто общее. Оба были по-хорошему честолюбивы, успели овладеть своей профессией и стремились занять в ней достойное место. Они делились планами, опасениями и надеждами, стали разбираться в окружении друг друга, ходили на выступления.

Когда он сделал ей предложение, она ответила согласием. После небольшой свадебной церемонии они уехали в путешествие на Алтай по подаренной клубом путевке, получив напутствие Егорыча, чья инициатива прозрачно просматривалась в этом даре.

Через десять дней они вернулись, привезя с собой кучу впечатлений и бездомного котенка, подобранного на одной из железнодорожных станций.

Солнце встало

(портрет третий: работа над ошибками)

Концерт наконец-то закончился. Лера устало свесила руки. Ей приятно было выслушать поздравление дирижера. Зрительный зал постепенно опустел. Серёга, всё отделение семафоривший ей весёлым взглядом: «Молодец, всё получается как надо», уже собрался домой. Из зала к нему пришла жена Лариса. Они переглянулись между собой.

– Пора домой, мы тебя мигом доставим вместе со всеми цветами, – весело сказала она, собирая цветы в один большой пестрый букет.

– Я жду вас на служебной стоянке, – выходя, крикнул Сергей...

Дома, проводив друзей, Лера закрыла входную дверь, сняла туфельки и прошла в комнату. В центре стояло ведро с водой, куда заботливыми сноровистыми руками Ларисы были поставлены цветы. Лера поёжилась и, скрипнув дверцей одежного шкафа, достала и набросила на плечи белый пушистый палантин. Она выключила свет и, нащупав подушку, свернулась калачиком на диване. Наконец она дома.

Тяжелая голова шумела и звенела, там «вспыхивали» голоса оркестра вперемешку с шумом зала и «провалами» мертвой тишины, предшествовавшими взмаху дирижерской палочки. Больше всего донимала обида. Она так ждала этого

дня, так готовилась, так волновалась. Еще бы – это её первый сольный концерт. Не отдельные номера на утреннем детском абонементе «Знакомство с симфоническим оркестром». Это второе отделение большого вечернего концерта. Дирижер не сразу поверил и в неё, и в её арфу. Он не торопился. Лера настойчиво расширяла свой репертуар, разучивала новые номера для детского абонемента. И вот её арфа солирует в оркестре. И что же? Муж не смог попасть на концерт. Разум подсказывал ей, что она не вправе обижаться, что Виктор старался сделать всё, чтобы быть рядом, но чувство какой-то детской обиды скулило в душе бездомным щенком и не понимало никаких резонансов. Его не было в зале; не было и его поддержки и уверенности в ней; он не видел ее такой, какой она была сегодня. Его как-будто совсем не было в ее жизни!

Лера со стоном встала и побрела на кухню, подбирая обеими руками длиннополую юбку нового концертного платья.

«Парацетамол», – прочитала она, покрутив в руках первую попавшуюся упаковку. – Пожалуй, подойдет, там должно быть обезболивающее.

Проглотив таблетку, женщина вернулась на диван. Она накрылась любимой пушистой шалью, которая всегда действовала на нее успокаивающе: как-будто её тело и душу волной нежности обволакивало живое тепло родного человека, – а в этом она сейчас очень нуждалась! – и закрыла глаза. Немного успокоившись и засыпая, она вспомнила лицо маленькой девочки, которая доверчиво бежала к ней с букети-

ком, но так и не отдала его незнакомой тётке...

Виктор очнулся от дрёмы, почувствовав толчок. Сосед по рейсу сообщил, что им объявили посадку. Виктор потер ладонью лицо, покрутил шеей и поднялся, свернув подмышкой свою большую почти пустую спортивную сумку.

– Помочь? – спросил он мужчину, который вместе с женой хлопотал около детей, собирая свои пожитки.

– Спасибо, мы сами, – уверенно послышалось в ответ.

С сумкой подмышкой, нахохлившись, Виктор направился к выходу на посадку, куда уже гуськом потянулись его попутчики. Девушка за стойкой проводила его внимательным взглядом: «Видимо, профессиональный спортсмен, но те, как правило, держатся группами, а этот, нахохленный, наверное отстал от своей стаи», – мимоходом подумала она, следя за тем, чтобы пассажиры не оставляли свои вещи – по забывчивости или преднамеренно.

В кресле самолета Виктор быстро задремал, думая о своей жизни. Последнее время в составе команды он часто летал и ездил, сидел на вокзалах. Егорыч, что Виктору сейчас стало очевидно, был не только строгим наставником, но и заботился о своих подопечных. Всегда можно было быть уверенным в том, что тебя вовремя разбудят, обеспечат место пребывания. Вот и на этот раз Егорыч отпустил капитана своей команды сразу после игры, как и договорились заранее. Ему был выписан отдельный билет. Всё шло хорошо, но когда Виктор приехал в аэропорт, оказалось, что их рейс за-

держивается по техническим причинам. Он связался с Лерой и объяснил ей всё. Перед началом концерта она была вынуждена отключить телефон, так и не получив от него четкого ответа, успеет ли он приехать. Ответа Виктор и сам не знал. Как она там, такая маленькая рядом со своей концертной арфой и огромным залом, который разглядывает ее сотнями глаз? Конечно надежные друзья, Серёга и Лариса, после концерта отвезли её домой на своей машине. Почему эти двое всегда вместе? «Семья», так говорит про них Лера. Они с Лерой уже три года женаты, вроде приноровились друг к другу, но про них она так никогда не говорила, да и он тоже.

– Семья – что это такое? – подумал он, засыпая в неудобном кресле самолета. – Когда вместе?

Была уже глубокая ночь, когда, выйдя из такси, горе-путешественник поднял голову, разглядывая свои окна. Они не светились. Он быстро поднялся на свой третий этаж, по привычке перешагивая через две ступеньки. Осторожно открыл дверь. В коридоре горела лампочка. На полу лежали её туфельки, прижавшись друг к другу, как два брошенных котенка. Вскоре рядом с ними появилась пара больших спортивных кроссовок со всякими наворотами для удобства хозяйских ног. Рядом они смотрелись как два разных мира, как два космоса. Уживутся ли вместе?

Виктор прошел в комнату. Цветами пахло уже в коридоре, но здесь запах был сильнее. На диване белым пятном выделялась фигурка Леры.

– Бедная моя девочка, и платье концертное не сняла, – горько отметил он про себя, оценивая степень её одиночества и безысходности. – А сколько было хлопот вокруг этого платья.

Он снял с плеча сумку и, присев на корточки перед диваном, поставил её на пол. Потом обнял свою девочку и осторожно, чтобы не испугать внезапностью, стал её будить:

– Лера, Лерочка... это я приехал... прилетел... прибежал.

Она что-то утвердительно промычала в ответ. Может, не будить? Он оглянулся по сторонам, как бы ища поддержки.

– Я старался, я очень хотел... ты же знаешь, – зашептал он.

Лера, попыталась подвинуться, чтобы освободить для него место рядом с ней, но длинная юбка, спеленавшая ее ноги, не позволила этого сделать. Лера открыла глаза и слабо улыбнулась, глядя на него. И тут же, как будто ком свалился с его плеч, он сгрёб ее в охапку. Где-то под своим боком Виктор почувствовал, как зашевелился кот, стараясь выбраться на свободу.

Лера окончательно проснулась, ее носик сморщился, и она, прижавшись к нему, стоявшему на коленях перед диваном, зашмыгала носом и тоненько заскулила. Это невыносимо было слушать. Отстранив Леру, Виктор порывисто поднялся и, выхватив из ведра несколько растений, со стеблей которых закапала вода, протянул их ей:

– Публика требует сыграть что-нибудь на бис.

Она встала, расправляя платье, ладошкой вытерла слёзы, движением головы откинула за спину волну длинных волос.

Он поставил стул и достал домашний инструмент. Лера уселась и задумалась. Она вспомнила внимательно-требовательный взгляд дирижера, устремленный на нее, и заиграла.

Арфа успокаивала и лечила раны, ее дыхание крепло. Вдруг Лера остановилась и, улыбаясь в ответ на его недоумённый взгляд, негромко засмеялась:

– Представляешь, что думают о двух дураках, устраивающих ночные концерты, бедные соседи?

Мир был восстановлен.

– Я привез тебе сладости, – он поднял сумку.

– Поставь чайник, будь другом, – сказала она, вставая, – а я пока переоденусь.

На кухне он наполнил чайник и, метнул его на зажженную горелку, стал доставать из сумки коробки. Потом открыл холодильник. Там его ждал любимый им холодец и какой-то салат. Он выставил их на стол. Пришедшая на свист чайника Лера заварила чай. Она сделала бутерброды с икрой, он достал из серванта вино.

– У тебя выходной? – спросила она.

– Два! – отозвался он весело.

Они в общих чертах рассказали друг другу о том, что делали и чувствовали в эти дни. Лера с удивлением заметила, что ее собственный успех оказался ей не так дорог, как она думала, когда стремилась к этому. Больше хотелось пере-

жить это вместе с ним: прожить вместе концерт и потом обсуждать дома, вспоминая то одно то другое, сверять ощущения от случившегося. Она даже не взяла домой традиционную афишу с автографами оркестрантов, которую, поздравляя, вручил ей дирижёр. Она лежит теперь в шкафу в гримёрке.

Лера поднялась снова подогреть чайник, Виктор привычно проводил взглядом её стройную фигурку, на сей раз на фоне окна:

– Рассвело, – заметил он, вставая, чтобы выключить свет.

Она подошла к окну. Было раннее утро, первые прохожие покидали квартиры и деловито устремлялись к своим целям.

– О чём задумался, детина? – шутливо поинтересовался Виктор, обнял ее за плечи.

– Солнце встало, – ответила она со значением и продолжила, видя, что он не понял, принимая её слова за ответную шутку, – знаешь, так сказал Серёжа, когда мы только познакомились, и я не знала, к счастью или к печалям впускаю тебя в свою жизнь. Он почему-то поверил в нас и сказал: «Солнце встанет – развиднеется».

– Много волжской воды утекло с тех пор, – задумчиво проговорил Виктор, – кажется – давно это было, в какой-то другой жизни, когда мы не знали друг друга. А получается, что недавно. Кстати, о Серёге. Лера, почему ты про них с Лариской говоришь «семья», а про нас так не говоришь?

Она пожала плечами, мол, что тут непонятного:

– Мы – пара, они – семья.

– Это потому, что у нас нет детей? – спросил он. – Так заведём, в чем дело. Придет время и заведем.

– Не поэтому. Я думала и заметила такое: одним семьям дети помогают сохраниться, а другие еще быстрее распадаются. Потому, что у них не было семьи и до детей, просто был штамп в паспорте, мол, отношения этой пары признаются законом.

– А пара влюблённых – это плохо? – не понял Виктор.

– Прекрасно, улыбнулась она, прижимаясь к его щеке. Только пара – это когда объединяются понравившиеся друг другу люди для того, чтобы проводить вместе досуг. Потом они убегают по своим делам, по своим траекториям, хотя они постоянно думают друг о друге, иногда это даже чрезмерно. Понимаешь о чём я? Не знаю, как объяснить. Начинают «тянуть одеяло» на себя: вот я ему это и это делаю, а он – всё себе в первую очередь, а зачем мне это надо? И всё. Разбежались потому, что это – он, а это – я. Понимаешь?

– Ты прямо философ, – усмехнулся Виктор, выключая зашвисевший чайник, – давай горяченького попьём. Он взял бутерброд и подставил ей свою чашку.

Потом отнял чайник и налил ей:

– Бери конфеты. Твои любимые. Умница моя, заморочилась с холодцом. Я оценил, как всегда вкусно и приятно.

Она тоже взяла бутерброд и отхлебнула горячий чай, который привез Виктор: – Хороший напиток.

Они помолчали, занятые едой.

– Ты изменился за наши три года. К лучшему.

– Мне много дало общение с тренером. Понимаешь, баскетбол и так игра коллективная, но командирская роль – это другой уровень. Тут надо не эмоции включать, а мозг. Хотя, порой, эмоции могут страмплинить – сделаешь такой финт, что и самому поверить сложно, – он засмеялся и поперхнулся: «Кхе-кхе-кхе».

– Вот, – откашлявшись, продолжил он с улыбкой, – Егорыч меня стал учить дозировать эмоции. Капитану нельзя поддаваться эмоциям, просчитаешься враз. На эмоциональном подъеме промахов тыща. Всегда получалось, а тут – мимо! «Не судьба» говорим или «не везет сегодня». А не умеем себя правильно сдерживать, где надо. А где надо сдерживать – это и есть целая наука. – Виктор поднял указательный палец вверх.

Они оба засмеялись.

– Два философа, – улыбнулась Лера.

– Философская семья может получиться, – поддержал ее шутку Виктор. – У тебя сегодня что будет?

– Сегодня я дома. Завтра с утра мастер-класс в музыкалке. Потом на общую репетицию. К новому сезону начнем готовиться. Интересно, что дирижер надумал?

– Вот и хорошо. Что-то я тебе хотел сказать важное. Зацепило меня в твоих словах... никак не вспомню. – Виктор потер лоб. – Ага! Пара! Ты сказала, что пара в семью может

не превратиться, хотя и любовь есть, и дети есть, и оба люди хорошие. Вот тут я Егорыча и вспомнил по делу, но отвлекся на себя любимого. А хотел я вот что сказать.

Лера подняла указательный палец вверх, пародируя его:

– Помедленнее, я записываю.

– Вот, – назидательно отчеканил Виктор, – нельзя опускать человека, он перед тобой раскрылся, а ты его носом в...

– он подбирал слово, – вниз, вот.

– Не обижайся, я внимательно слушаю и включаю ум, как Егорыч говорит.

– Молодец, не зря хлеб общий жуёшь! – широко улыбнулся он. – Разрядить обстановку тоже надо уметь. Но я опять отвлекся.

– Я уже конфеткой балуюсь, – сказала она, протягивая руку за новой порцией сладости.

– Капитанство мне здорово помогло, конечно, благодаря Егорычу. Я знаешь, что открыл для себя? – он опустил поднимающийся вверх Лерин указательный палец. – В паре всё на эмоциях, в этом весь смысл и кайф. А в семье надо ум включать, а эмоции дозировать. Тут надо подходить тонко. – Он хотел поднять палец вверх, но сдержался, проконтролировав себя.

– Представляешь, любить, но сдерживать эмоции, чтобы оставаться вместе на долгие годы! – заключил он просто.

Она молчала, задумавшись.

– Ты, наверное, прав. Сдерживать, чтобы не перегореть

раньше времени?

– Даже не так, поправил он ее. – Как бы тебе объяснить? Вот смотри. Как человек смотрит, то есть как он видит окружающий мир?

Наступила пауза.

– Он смотрит через хрусталик, преломляет свет через свой хрусталик. Через свой, не через чужой! Ну, вот. Говорят, что «свой взгляд имеет» или «на мой взгляд».

– Допустим и – что?

– А то, что – призма! У семьи есть своя призма, то, что для неё важнее всего. То, что нужно «как зеницу ока беречь». Так вот, эта призма – это зеница ока семьи, что дорого для семьи, без чего семьи нет, раз! и разбежались в разные стороны. Есть призма – есть семья. Нет призмы – нет семьи. Всё просто, – заулыбался он.

– Да. Я не капитан, не «догоняю»: где призму предлагаешь взять? – подытожила его речь и Лера.

– Призма – это не твой взгляд и не мой взгляд, это виртуальный взгляд нашей семьи. Все будущие планы – и твои и мои – преломляются через призму семейных идеалов и строятся с их учетом, а не так, как бы ты или я жили сами по себе или в паре, у которой есть близкие отношения. Вот, например, твоя карьера. Ты еще до нашего знакомства наметила доказать всем, что можешь играть сольные партии с оркестром. Твои планы не изменились. Я тебя поддерживал и поддерживаю в этом. Это твое стратегическое решение, оно

важно для тебя, поэтому я хочу, чтобы у тебя все получилось. Сам я тоже наметил свой путь раньше, и ты тоже меня всё время поддерживаешь. А помогают наши планы семье? Или наоборот?

– Ты что хочешь сказать, что мы теперь должны смотреть на свои планы, на свое будущее по-другому? Через призму нашей семьи? – ужаснулась она своей догадке.

– Думаю, что – да. По крайней мере, надо попробовать посмотреть на них глазами семьи. Всё ли в порядке в семье, если мы успешно двигаемся по своим личным стратегиям, но нам это не приносит той радости, на которую мы рассчитывали? Ты же сама о концерте так говорила.

– Да, я говорила. И вполне искренне. Что же, по-твоему, я должна принести свои планы в жертву семье? Это неверно, так я не буду счастлива. И тебя запилю: «Вот, я положила на тебя свои молодые годы, а ты ничего не достиг». И так далее и еще много всего тебе припомню.

Она помолчала и продолжила:

– Я думаю, что на алтарь семейного счастья нужно каждому положить что-то важное для него лично, причем добровольно положить и без сожаления, понимая, что отдача будет такая большая, какую он не получит, думая только о максимизации своего честолюбия, даже и поддержанного второй половинкой.

Они молчали. Как долго назревал такой разговор и вот он получился. Это было удивительно.

– Будем включать мозги и смотреть в общее будущее через семейную призму? – улыбнулся Виктор.

– Придется, коль порознь нам счастья нет, – улыбнулась и Лера. У нее опять голова начала побаливать, наверное, от серьезности разговора. Ещё бы – речь шла о том, как им не разбежаться в разные стороны. «Это просто невозможно», – молча, но твердо решила она.

– А ты готов, если потребуется, отказаться от капитанства?

Он молчал.

– А я, вроде, готова корректировать свою линию жизни через призму семьи. Страшный зверь эта твоя призма семейного счастья, – пошутила она, сделав гримаску ужаса.

Они еще не знали, что пройдет немного времени и сама жизнь займется корректировкой их личных планов. Не зря говорят: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах на будущее».

Во время одного из матчей Виктор получил травму, неудачно столкнувшись с центровым команды-соперника в борьбе за мяч. Пострадали они оба. Виктор быстро поправился, но со временем плечо стало давать знать о себе, рука к концу игры тяжелела и плохо слушалась. Начались обследования, консультации. Лечебные процедуры приносили кратковременный эффект. Он вроде бы и играл, но не по-настоящему, больше берёт силы. В конце концов, врачи вынесли вердикт: лечение долгое и вряд ли приведет к значительно-

му восстановлению формы, профессиональные нагрузки не показаны. Тренерской работой заниматься можно, и в повседневной жизни рука вполне работоспособна, «не отсохнет», как обнадёжил его один из травматологов.

В команде отнеслись к его уходу по-разному. В основном сожалели об этом и поддерживали. Капитаном стал Фрол. Он отнекивался, но после разговора с Виктором согласился. Друзья часто встречались. Виктор ходил на стадион по-прежнему: и тренировался и помогал советом начинающему капитану. Он присматривался к своей будущей работе. Рассматривал несколько вариантов: и работу спортивным комментатором, и обозревателем спортивных новостей, и популяризатором истории спорта в регионе. Даже судейство было на примете и работа в департаменте спорта. Оказалось, что жизнь по ту сторону спортплощадки не просто существовала, но была даже разнообразной.

Егорыч тоже не забывал своего любимого ученика. Он сказал:

– Года через два собираюсь «на пенсию» – тренером в молодежку. Тебя возьму помощником. А ты пока учись. И не удивляйся – мне помощник нужен современный, со знаниями, чтобы работать на перспективу!

Виктор сходил на кафедру спортивной академии. Обсудив всё с Егорычем и получив поддержку руководства клуба, поступил в магистратуру и начал учёбу.

Лера отнеслась спокойно к слову его карьеры. Она терпе-

ливо выслушивала его жалобы и сожаления, стараясь направить мысли и мечты Виктора в будущее. Она обрадовалась, что он будет учиться, стала называть его «наш магистр». Он говорил, что нет худа без добра, что теперь он будет ходить на все ее концерты и даже на гастроли поедет вместе с ней. Она улыбалась и покачивала головой:

– Знаешь, я как-то охладела к гастролям.

– Это из-за меня, чтобы не оставлять один на один с сомнениями?

– Да неет же, – мягко успокоила она его. – Мне всегда нравилось рассказывать детям об арфе, показывать ее возможности. Знаешь, как они радуются и удивляются всему новому и интересному, необычному.

Виктор знал, что Лера с удовольствием работает на детском абонементе «Рассказы о симфоническом оркестре». Не только играет, но и ведет программу, много всего придумывает, играет с детьми, они чуть-ли ни хороводы водят на сцене.

Вскоре в их семье произошли и другие перемены. Как-то он пришёл на игру «Метротрамовца» и, зайдя в раздевалку, приветственно стукнул Фрола по спине:

– Хочешь огорошу? – широко улыбаясь, прокомментировал он своё энергичное приветствие.

– Давай, – откликнулся Фрол.

– Я готовлюсь стать отцом!

Друг аж присел на корточки и задорно рассмеялся.

– Хочешь огорошу? – в свою очередь спросил он, вставая. – Я тоже скоро буду отцом!

Оба «огорошенных» дружно захохотали. В капитаны? – так вместе, в отцы – тоже вместе!

Прошли годы. Дата серебряной свадьбы подошла как-то незаметно. Среди своих пошли расспросы: «Как собираетесь отмечать?»

Решено было не устраивать помпезное пиршество, а пригласить только близких друзей: Фрола с женой Настей, детей обеих пар и старого тренера. Начало августа, как дата, и ведомственная база отдыха, как место, идеально подходили для тихого задушевного праздника, «камерного», как выразилась Лера.

Это было время отпусков, которые они проводили на клубной турбазе. Неподалеку от турбазы располагался и летний тренировочный комплекс спортшколы.

Традиционно молодое пополнение в клуб набирали из спортакадемии, с которой у двух ведомств, метростроя и вуза, были кадровые связи. Спортсмены в процессе своей карьеры двигались то из вуза в спортклуб, то обратно – преподавать, когда карьера спортсмена заканчивалась. Так пришли в клуб и Фрол с Виктором, подружившиеся еще на студенческой скамье.

Потом силами энтузиастов из тренерского состава была организована спортшкола, или молодежка, специально для подготовки молодых метротрамовцев. Её возглавил Артем

Егорович. Последнее время, когда он передал «бразды правления» в крепкие руки среднего поколения, Егорыч безвылазно жил на базе. Зимой сторожем и дворником, как он выражался, «смотрителем». А в сезон, когда база заполнялась спортсменами и иже с ними, он становился комендантом. А сторожей и дворников нанимали на сезон. Егорыч контролировал все условия для протекания рабочих процессов. Заселение, снабжение, питание были в поле его неусыпного бдения.

На серебряный «медовый месяц» друзья выделили неделю в первой декаде августа. На это время обе пары переселились в ведомственные домики на берегу Волги. Егорыч же остался на базе молодежной сборной, откуда навевывался к ним почти ежедневно, ближе к вечеру.

Вот и сегодня они услышали приветственное позванивание колокольчика его велосипеда, и к их небольшому костру по влажному прибрежному песочку подъехал Егорыч.

– Что, архаровцы, приуныли? – улыбнулся он, крепко пожимая протянутые руки.

– Что нового в молодежке? – в свою очередь поинтересовался Виктор.

– Все нормально. Рыбы-то наловили?

– Да где наловили, а где и добыли. Хозяйки что-нибудь придумают. – Виктор махнул рукой в сторону домика.

– Пойду-ка поздороваюсь с дамами, – сказал Егорыч и направился к домику.

Виктор был равнодушен к рыбалке, Фрол же любил это дело и ему было досадно признаваться в неудаче. Задетый за живое, он наклонился к костру и принялся молча шевелить палкой догоравшие дрова. Виктор, не заметивший смены настроения друга, провожал взглядом Егорыча, который не спеша толкал велосипед на пригорок.

– Надо бы Егорычу электровелосипед раздобыть, – заметил Виктор.

– Да есть у нас на базе электровелосипеды, он сам не хочет, говорит, что надо держаться в форме, – проворчал Фрол, откладывая палку в сторону.

Старый тренер был сторонником четкого распорядка дня и строго гонял мальчишек из спортшколы за его нарушения. Те роптали в ответ, кто прямо возмущаясь, кто, молча, но слушались. Сам он не нарушал режима даже в самые трудные для него дни.

– Хорошо держится старик, – в ответ на свои мысли сказал Виктор. – Сколько лет они прожили с женой?

– Не знаю... много, – отозвался друг, – его работа держит.

Жена Егорыча еще в молодые годы заболела астмой. Он возил ее по санаториям и домам отдыха. Из каждой поездки старался привезти что-нибудь оздоравливающее: дыхательную систему, народное средство или редкое лекарство. Они долго боролись с болезнью, но недавно болезнь забрала ее. Детей у них не было, и Егорыч остался один. Его домом стал спортлагерь молодёжки, а семьей – все его обитатели.

– Знаешь, – продолжал Фрол, – я думаю, когда пройдет много лет, Егорыч станет совсем стариком и будет сидеть в своем флигеле, он организует там музей «Метротрамовец, вперед!» или как-то так. Будет прогонять через него архаровцев до тех пор, пока они не проникнутся командным духом.

– Точно, на него похоже, – улыбнулся Виктор. – Дело хорошее. Небось, много всего можно насобирать для музея. И открыть его к какому-нибудь юбилею клуба.

– Да, – усмехнулся Фрол, – только начать и кончить.

– Вот ты и начни собирать. Мы поддержим.

– Не любитель я всяких дат, ты – другое дело, – намекнул Фрол на серебряный юбилей друга.

– Это Лера озаботилась семейной историей, – отмахнулся Виктор. – А вы с Настей когда будете отмечать свой юбилей?

– Не знаю. Это как считать, – Фрол заволновался и опять принялся ворошить угольки.

За три первых года знакомства Фрол и Настя успели сыграть свадьбу, разругаться, разойтись и снова сойтись.

– А что вы разбегались? – поинтересовался Виктор.

– А шут его знает. Дурак был. Попервоначально думал – она такая рыжая веснушка жизнерадостная, уютная такая пампушечка, всё с ней будет нипочем. Оказалось – и реветь белугой может, и покрыть матерком у нее не заржавеет. Стал нос на сторону воротить, искать свою фею, значит. Отец смотрел, смотрел... Когда разошлись, сказал мне: «Чего ко-

бенишься? Твоя баба!». Я подумал, что и, правда – моя. Пошел с повинной. Пустила и ни разу не упрекнула за прошлое. А второй раз расписались уже после того, как первого родили.

– Да, Санта Барбара, – улыбнулся Виктор.

– Это у вас с Лерой всё просто, – отозвался друг.

– А мы ведь тоже чуть не разбежались, – возразил Виктор.

– Не помню такого, – признался Фрол, – ну-ка колись. Это когда травму получил?

– Нет, еще до травмы. Прожили, наверное, чуть больше года. И вроде все нормально. Да только... Ты вот свою фею искал, а я свою нашел да не знал, что с ней делать. Красоты ее боялся, гляну – и ступор меня берет. Соображу, что она замечает, сразу такого «мачо» напущу, мол, нам нипочём – всяких видали. Боялся: как она заметит, так и будет из меня веревки вить, а мне в подкаблучники не с руки! А она мне подыгрывать стала, что ничего не замечает. Глаза отведет и чем-нибудь, вроде того, занята. Стали мы оба притворяться. Да это – до поры до времени.

Приходит как-то Лера после концерта, как всегда, нарядная. С цветочками и улыбается, глаз не отвести. Смотрю на нее, как баран, а она глаза не отводит, прямо смотрит и улыбка победная какая-то. Дурь мне в голову ударила, да еще голодный после тренировки, набылчился и брякнул, как выплюнул: «Дома жррррять нечего!». Она цветочки поудобней в руку взяла, медленно замахнулась и меня по морде букетом

жах! Букет разлетелся, а она еще раз уже ладонью приложилась от всей души. Потом медленно повернулась, сумочку свою взяла и хлопнула дверью. Только каблучки по лестнице цок-цок-цок. Ушла! Как это прозвучало в мозгу, не поверишь, так я по стенке и сполз на корточки. Сижу и пытаюсь понять, что это было? От чувства беды голова шумит. Бежать за ней, не бежать? Видать, допёк я ее до последней точки. Вот чем наше притворство обернулось. В конце концов, решиться надо на что-то – рубить комплексы!

Стало у меня в голове проясняться. Сам себе говорю:

– Пришла к тебе красивая женщина. К тебе, болван, пришла. Веселая и нарядная, как весна. А ты что? Жрррать подавай! Вспомнить страшно, и как она меня терпела?

Фрол слушал с удивлением. Он тоже не ожидал от Валерии такого. Вот его Настя – другое дело: приложила бы, так приложила. Он потер скулу.

Если бы Лера их в этот момент услышала, то подумала бы: «Ясное дело – мужики, только о тычках и ссадинах вспоминают». И ошиблась бы она. Мелкая тонкая деталь может мужчину очень сильно ранить: навсегда уходящие родные каблучки душу пробивают навывлет, как пулеметной очередью.

– Слышу: возвращается Лера, – продолжил свой рассказ Виктор. – Мимо меня прошла с пакетом. Стала на кухне из пакета всё вынимать. Потом четко так сказала:

– Кушать подано!

А сама опять к двери! Веришь – на коленях стоял и руки целовал. А она плачет. Я себя последними словами ругаю:

– Прости, Лерочка, дурака. Ты красавица, ты волшебная красавица.

Она плачет и ко мне на пол опустилась. Понял я – не уйдет. На руки ее поднял. Туфельки сбросил на всякий случай. Не дай Бог снова услышать, как они уходят. Стал ее по комнате носить, как маленькую девочку прижимать к себе. Успокоились оба, слезы вытерли. Признался я, что красоты ее боялся и не знал, что делать, а теперь знаю! «Ты самая красивая, самая нежная, самая волшебная, я такую всю жизнь искал». И всё в таком духе твержу, как прорвало. Она тоже призналась:

– Вы ждёте от женщины тепла в доме. А откуда его взять, если ей плохо с тобой? Если она прислуга, кухарка и не больше того. Сделала – тогда всё нормально, не сделала – тогда плохо! Она же должна делать. А если ты хочешь тепла, надо, чтобы женщина его от тебя получила. Если она чувствует, что ее любят, о ней заботятся, то она неблагодарной не останется. Она ведь тоже тебя, дурака, любит.

– Вот тогда мы и поняли, что не разбежимся. Но до семьи тогда еще не додумались. Это позже получилось, когда я на её сольный концерт не приехал. Переживали сильно, – подытожил Виктор. – Пойдем, друг, нас уже заждались.

Они потушили костер и стали подниматься к домику. Им навстречу отворилась дверь и на пороге возникла Настя:

– Вот они, легки на помине. Я уж звать вас собралась.

В комнате слышался Лерин говорок, она что-то рассказывала Егорычу о своих учениках.

– Ну, архаровцы, нам за стол пора засесть, – обратился к друзьям Егорыч. – Речь держать буду. Четверть века вы на моих глазах – не шутка. Пора итоги подвести. Промежуточные! Я вам задачи на будущее наметил.

Все стали размещаться за столом, примериваясь, где кому удобней расположиться...

Вечера, проведенные за юбилейным ужином, за эту неделю стали традиционными. Гости прибавлялись. На выходные приехали сыновья Фрола и Насти. Их младший сын еще учился в школе, а старшие сыновья в обеих семьях были ровесниками, оканчивали вузы. Мальчишки показали видеоролик про юбиляров. Получилось интересно и душевно. Видно было, что авторы постарались собрать фото- и видеоматериалы о юбилярах, порой даже неожиданные. Зрители живо реагировали. Сошлись на том, что авторы поработали на славу и надо сделать такой же ролик про юбилей их собственных родителей.

Фрол завел разговор о музее Метротрамовца. Идея приглянулась. Пошли разные фантазии на эту тему. Егорыч даже назначил Фрола главным архивариусом на общественных началах. Пошли поздравления с назначением.

Поздно вечером старого тренера проводили до спортбазы. Все шли пешком, Виктор вел велосипед Егорыча и освещал

тропинку...

Не приехали на юбилей их собственные мальчишки. Они были погодками, их разделял всего год с небольшим. В свое время оба прошли и через музыкальную школу и через спортивную, но без особого интереса, да и роста вышли не баскетбольного. Их привлекла техника, вернее робототехника. Они решительно перешли в спецшколу по этому направлению. Старший сын год готовился в ведущий профильный вуз, ожидая, пока младший окончит школу, и они поступили туда вместе. Теперь оба заканчивали обучение и были на сборах. Очень суеверные, они заранее никогда не рассказывали об испытаниях своих проектов. Только после того, как всё закончилось, они сообщили о результатах. Родителей поздравили по видеосвязи, но о себе распространяться не стали. Только сказали, что всё хорошо, и что как освободятся, приедут на каникулы.

Неделя быстро пролетела. «Молодые» старались встречать рассветы на Волге. Когда приходили на берег, было уже светло, но «звезда по имени Солнце» еще не появлялась.

И вот Солнце торжественно выкатывалось большим ярко-рыжим шаром, по-хозяйски оглядывая все закутки «подведомственной» территории, как бы говоря:

– Как вы тут поживаете, люди добрые? Смотрите, как прекрасна ваша земля, как щедро ваше светило. Живите с миром.

Они не спеша шли вдоль берега, погружая ступни в про-

зрачную волну. Думалось о большом, главном. Что ждет там – впереди? Жизнь сложна и непредсказуема, хотелось надеяться, что в ней больше всего будет хорошего.